

Русская литература. - Тифлис. - 1995 - 21-27 сент. - с. 13

Григорий Марк

Голоса вещей



СРЕДИ ВЕЩЕЙ И ГОЛОСОВ

«Среди вещей и голосов» — вторая книга Григория Марка. Первый его сборник стихов «Гравер» вышел четыре года назад. Печатались поэт во многих российских и почти во всех эмигрантских литературных периодических изданиях. В издательской аннотации к рецензируемой книге приводятся некоторые отзывы критики на его первый сборник. И как часто это бывает в хвалебных отзывах, отзывы эти слегка героизированные, с неизбежными преувеличениями. Говорилось в них о «цельности сознания», о многообразии авторского голоса, о «задыхающемся шепоте», о «последней доверительности»...

Нас же не искушает соблазн романтической терминологии, и мы просто хотим сказать, что имеем дело с несомненно интересной и сложной поэтической личностью, проявляющейся часто в удачных, но и часто в вялых, унылых стихах. Причем

Григорий Марк. Среди вещей и голосов. Штат Нью-Джерси (США), «Hermitage Publishers», 1995.

Григорий Марк умеет поставить их рядом. Из месива сгорбленных спин, автоматов, Тулупов, сопення, собачьего лая, Слезающихся глаз и хрипящего мата Порядок в движении слов проступает. («Слова мои — зэки колонной по трое»)

Но буквально на предыдущей странице — какая-то «хлебниковщина»:

Ритмолепие речи,
радения,
повторением вслух
высветление.
Любословия.
И благодать.

(«Медитация»)

Единственное «оправдание» для автора такого стихотворения — это согласие читателя считать его шуткой или «иронией», тем более, что ирония иногда — не что иное, как неудачная шутка.

Григорий Марк любит обыгрывать язык или даже букву. Например, в стихотворении «Кириллица азбучных истин», фантазии на тему «Гласных» Рембо:

Вмуровано прочное А в строку
пирамидой бетонной.
Беременной бабою Б живот, словно
сажень косяя.

Щетиной отравленной Е добычу свою
поджидает...

Или же — в «Слове о „Слове“» (имеется в виду «Слово о полку Игореве»).

Тематика и образные ряды стихов Г. Марка вполне традиционны для поэзии 20-го века: Петербург, Медный всадник (излюбленная тема петербургских поэтов), слово как таковое, Древний Восток («Из Книги Мертвых»), санскрит, сновидение, отражения, двойничество и т.д. Но, однако, он относится к тем поэтам, которые внушают наибольшее доверие тогда, когда пишут о себе. «Эпические» его вещи (о большом городе и проч.) про-

сто описательны или декларативны. Г. Марк не всегда владеет сюжетом стиха — нагромождение строк с тяжеловесными размерами (последнее вообще очень присуще современной поэзии) часто его ни к чему не приводит, если, повторяем, это не личное исповедание. Да, среди вещей Г. Марк не так интересен, как среди голосов.

В цилиндрических трубах сырых,
глубоко под домами,
Словно ампулы мертвого белого света,
проворно
Пробегая вагоны, набитые туго телами,
И бесшумно во тьму исчезают пустые
платформы.

Это — вещи. А вот появился и голос и автор:

Вереницей светящихся каменных плит
в ночь еврейское кладбище тихо плывет...
Там в земле заболоченной мама лежит.
Уплывает под арку моста пароход,
и, склонившись за борт, кто-то
плачет навзрыд.

Это я, превратившийся в свой негатив,
на экскурсию с классом полжизни назад,
сам себя пережив, уплываю в залив...
И на дно опускается мой Ленинград.

Мы не боимся остановиться на этой ноте, ибо таков мир вещей и голосов у Григория Марка — если не пораженный, то отмеченный болезненностью (часто — физической; в его стихах очень много медицинской лексики), неутолом, ущербностью, ущербностью самих вещей. В нем много какого-то хтонического, довременного и вместе с тем (или именно поэтому) очень современного, сегодняшнего страха. Если Григорий Марк и преодолевает это, то только свойственной его голосу иронией — лишенной силы, но не чистоты.

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж